

Роман «Дурочка» Светланы Владимировны Василенко входит в число самых известных произведений русской литературы XX века. Работу над романом С.В. Василенко начала в 1993 году, работала над ним несколько лет. В 1998 году произведение было отмечено премией журнала «Новый мир». В 2000 году издательством «Вагриус» в серии «Женский почерк» был выпущен сборник «Дурочка», в который вошли избранные произведения Светланы Василенко. Иллюстрации для «Дурочки» по просьбе автора создал Виктор Голпе. Роман переведён несколько языков, удостоен нескольких литературных премий.

«Дурочка» обозначена автором как «роман-житие», что напоминает о принятой в христианской культуре жизнеописаниях святых и мучеников. Образы главной героини Наденьки и её близнеца из альтернативной реальности Ганны несут в себе многие черты, присущие христианским святым, а также персонажам более ранних мифологий.

Действие романа происходит в двух измерениях. Первое из них имеет точное временное и пространственное обозначение: 1962 год, военный городок Капустин Яр. Второе измерение также располагается в Капустинном Яру и даже приблизительно датировано – «193...». Наденька попадает туда чудесным образом, приплывает на плоту младенцем, и оттуда также уходит по реке, возвращаясь к родителям и к брату Марату, от имени которого ведётся повествование в начале и в конце романа.

Если обратиться к хронологии событий, раскрытой в разных частях романа, то мы получим следующую картину: в семье военного рождается девочка с ментальными проблемами. Посчитав её появление постыдным, мать кладёт её в колыбель на малиновую подушечку и пускает по реке. Река уносит Надю в тридцатые годы, где её отлавливают мужики по просьбе тётки Харьты. Когда в деревне настает голод, Харьта везёт девочку всё в тот же Капустин Яр, только тогда он ещё не городок, а большой посёлок. Там, в кельях бывшего монастыря, расположен приют для детей репрессированных, которым управляет суровая коммунистка Тракторина Петровна. Из этого мира тридцатых Надя-Ганна возвращается тоже по реке, уже взрослой приходит к родителям. В финале романа детей городка эвакуируют из-за опасности ядерного взрыва. Воспитатели, производящие эвакуацию детей – постаревшая Тракторина Петровна и жительница Капустина Яра Мария Боканёва, которая заменила Харьту. Ганна возносится, превращается в белый свет, рождает новое солнце.

«Житие» и русское странничество. В романе переплетаются народная тема странничества и жизнеописаний христианских святых. Старинная традиция, сохранившаяся вплоть до советского периода, занимала важнейшее место в русской культуре, в народном самосознании. Хотя, если рассмотреть явление странничества в широком его смысле, то наверняка найдутся сильно видоизменённые его формы советского периода. Возможно, отголосками древней культуры стали в разрушительной его форме «бродяги» из преступного мира и туристы из мира социализированного.

Древние странники несли миссию богоугодных подвижников, посвятивших свою жизнь бесконечному путешествию. Их с радостью принимали в купеческих домах, как часто писал Островский в своих пьесах. Принимали как посланников судьбы или Бога. В СССР мрачная и зловеющая культура криминального мира несколько превзошла понятие преступности, понятное и принятое до этого. В числе изгнанных из социума оказались те, кто крайне редко туда попадал в иные эпохи: добропорядочные граждане, винные лишь в одном, в своём социальном успехе. Или в происхождении. Таким образом мир советских

изгоев наполнился светлыми умами, трудолюбивыми руками волевых людей, перестал быть в полной мере тем, чем был раньше – приятном только лишь потерявших человеческого облик. Советский криминал не часто, но всё же удивлял своим благородством, милосердием к сырым и убогим. Частью этого мира является каста бродяг: людей, которые приносят обет скитания. Не будем героизировать всю их массу, отметим лишь, что разнообразие характеров этого пласта было следствием репрессий, раскулачивания и других античеловеческих действий.

Среди образованных, физически развитых советских людей становились популярными разные «бесполезные» с точки зрения обывателя увлечения. Был среди них и туризм. Молодых людей бесконечно тянуло в горы, в походы. Возможно, так русское странничество разделилось, уйдя в тёмный и светлый миры. Обращаясь к теме странничества, Василенко раскрывает всенародную трагедию тридцатых, посылая жителям Капустина Яра блаженную странницу Ганну.

«Житие» – это история странницы Ганны, чудесным образом пришедшей на землю, приходящей к страдающим, к покинутым и столь же чудесно покинувшей землю, чтобы родить солнце, как в «Апокалипсисе».

Образ Наденьки-Ганны. Главная героиня наделена чертами чудесного героя, обладает многими качествами волшебных персонажей устного народного творчества. Это неудивительно. Обе исторические плоскости романа относятся к тревожным временам, особенно период тридцатых годов, да и шестидесятые полны страха, хоть и иного рода. В разные периоды жизни человека или тем более целого народа естественно обращение к необычному герою как к возможному спасителю.

С другой стороны отношение к людям с особенностями ментального развития в народной культуре всегда было специфическим. Особенных людей считали посредниками между миром проявленным и мирами незримыми. Это убеждение оказалось в народе настолько твёрдым, что сохранилось и в более поздней христианской культуре, с небольшими трансформациями. В новой христианской культуре юродивых стали возводить в ранг святых, но связанные с юродивыми легенды носили явный отпечаток более раннего исторического периода, что часто отображалось в русской литературе.

Так, у Пушкина в «Борисе Годунове» устами блаженного Николки с царём будто говорит сам Бог, напоминая царю об убийстве царевича. Пушкинский Николка, несомненно, близок Наденьке больше, чем, например, Лизавета Смердящая из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Устами Николки с царём говорит сама Судьба, которая указывает царю на совершённые им дела и сообщает, что за него нельзя молиться, потому что «Богородица не велит». Наденька не говорит, но, несомненно, является посланницей неких высших сил. Наденьке известна их воля, неведомая людям – именно поэтому некоторые её поступки кажутся непонятными: она отказывается вылечить больную и дважды спасает опасную для неё самой Тракторину.

Из своего времени в тридцатые Надя попадает по реке и точно так же возвращается к родителям. В устном народном творчестве по рекам можно попасть в иные миры. В индийской мифологии боги, решив воплотиться в человеческом облике, порой не рождаются у земных женщин. Их находят в образе младенцев в земле или в воде.

Юродивая Наденька-Ганна не разговаривает. Но она умеет передавать свои мысли телепатически и поёт, причём не просто воспроизводит мелодии, а поёт так, что люди порой не верят в её немоту.

Ганна приносит с собой новые события. А ещё она приводит с собой Богоматерь. В первый раз это Харыта Савельевна, земная женщина, которая растила Ганну, а потом в голодный год решила отдать её в детский дом, чтобы спасти от голода. Харыта остаётся в детском доме и начинает выполнять функции матери для всех сирот – кормит их, учит отмечать старые праздники. Харыта – как воплощение Богоматери.

После ареста Харыты Марат решается отравить Тракторину. Но Ганна не даёт ей съесть отравленную лепешку. Марата убивают. То есть Ганна губит Марата и почему-то спасает Тракторину. В дальнейшем, получив дар исцеления, Ганна отказывается вылечить ребёнка, но исцеляет Тракторину, восстанавливает её способность ходить. Действия Ганны не подвластны простой логике, она действует по закону, известному ей одной. А если учесть, что роман-житие написан «в лоне» христианской этики, становится очевидным, что, не позволив Марату совершить убийство, Ганна спасает его от совершения греха.

После гибели Марата ей нужно бежать из лагеря, чтобы не погибнуть самой. Уходит она по реке. Так начинается уже самостоятельное путешествие Ганны в мире тридцатых.

Отдельного внимания заслуживает сказка об Ахтубе. Ганну вылавливают рыбаки и принимают её за ханскую дочь Тубу, именем которой названа была впоследствии река Ахтуба. Звал её безутешный жених «Ах, Туба! Ах, Туба!». Так и называли в честь её саму реку. Сюжет о подводном царстве занимает в романе-житии значимое место и требует отдельного, более детального разбора. Он занимает важное место в романе, уводит действие в волшебное пространство. При этом связь с реальностью у жития довольно крепкая. Персонажи Мария Боканёва, Марат, Тракторина появятся через тридцать лет, когда Ганна вернётся Наденькой в семью военного.

В сцене после убийства Марата тоже происходит чудо. Тракторина и сторож замечают Ганну на дереве и решают срубить дерево, чтобы поймать её. Но дерево не падает, пока Ганна не прыгает с него, а упав, калечит Тракторину.

Финальная сцена, где Надя рождает новое солнце, объединяет христианскую и дохристианскую культуры. Босая Надя возносится на небо. Вознесение в небо и подробное описание стоп Нади создают характерный для христианского мировоззрения образ святой мученицы. «Грязные пятки от того, что она всегда ходила босиком». А в небе Надя «рождает новое солнце». Сцена напоминает не только о солнце-поклонничестве и причудливых старых мифах. Надя в небе напоминает видение Иоанна, описанное в Апокалипсисе о видении девы в небе. Сцена рождения нового солнца – аллегория ядерного взрыва, после которого Наденька заберёт всех с собой на небо. Также новое солнце – символ часто использовавшийся в поэтическом языке большевиков – новое солнце, новый восход знаменовал новый уклад жизни.

Эпизод, в котором Ганну вылавливают из реки сетями, выступает метафорой настроений в обществе, отношения людей к материальным благам, их преданности убеждениям. Рыбачья артель напоминает общество первых апостолов, которые пошли вслед за Христом.

Повернулся к остальным Пётр, закричал:

– Эй! Рыбаки! Вставайте! Андрей! Иван! Яков старший да Яков младший! Семён! Фаддей! Филипп! Матвей! Варфоломей! Фома! Аида на лодки!

Их даже зовут, как христовых рыбаков.

Кто-то предполагает, что Ганна русалка, а кто-то уверен, что это сама Туба, дочь царя Мамаю, которая стала речной царицей после того, как утопилась из-за тоски по русскому князю Дмитрино. История принцессы Тубы – местная легенда, которую автор включает в роман-жизне не только из любви к родному краю. В обсуждении истории проявляются мотивы членов рыбачьей артели.

Рыбак Рябой хочет сдать Ганну властям, чтобы рассказала, где лежит золото.

– А ведь правда она это! Туба! Ханская дочь! – изумился Чубатый. – Вишь, улышалась про своего Дмитрия и заплакала.

– Ханская? – переспросил Рябой. – Тогда надобно сдать её властям!

– Это зачем же? – удивился Чубатый.

– Хан – по-нашему будет – царь, – сказал Рябой. – Ведь так?

– Ну, так, – согласился Чубатый.

– А раз так, то она по-нашему – царская дочка. Так?

– Ну, так, – опять согласился Чубатый.

– Вот и выходит, – сказал торжественным голосом Рябой, – что мы царскую дочь у себя укрываем!..

Диалог показывает характерное для «современных» реалий явление: любая легенда, любое убеждение или явление можно было попытаться, слегка додумав, «вписать» в советскую идеологическую действительность.

По свидетельству автора, у Наденьки-Ганны есть прототип, подруга детства Светланы Василенко. Девушка обладала особенностями ментального развития и стала прототипом в трёх романах писателя – это, собственно, «Дурочка», «Охота за сайгаками» (Люба) и рассказ «Город за колючей проволокой». Надя скончалась в 2011 году.

Кто встретился на пути Ганны. Харыта привозит Ганну в детский дом, который располагается в бывшем монастыре и называется «Рогатая школа». Упоминание рогов – отсылка к чертям. В СССР в ранние годы было принято давать подобные названия бывшим церковным объектам. В качестве примера приведу основание колхоза «Безбожный» в Армении на землях, принадлежавших когда-то монастырю Эчмиадзин. Возле школы Харита и Ганна встречают Марата, который ловит рыбу. На его голове выбрит крест.

Острижение волос крестом – часть инициационного обряда, приёма в монастырскую общину. Точно так же остригут и Ганну. Директор детского дома Тракторина Петровна говорит, что стрижка у них вместо паспорта. Это важный аспект. В «рогатую школу» принимают детей и формально закрывают глаза на отсутствие документов, им ставят «метку» в виде особой стрижки, чтобы показать принадлежность к заведению. А прошлого у них нет, оно стёрто. Именно потому «прощается» отсутствие документов.

При этом Тракторина постоянно славит советскую власть и ругает детей за «старорежимные привычки». Но для «метки» использует как раз старый порядок, характерный для монастыря. Так старое место диктует свои порядки новым обитателям.

Марат несёт рыбу трём сестрам – Вере, Наде и Любе. У сестёр имена святых покровительниц. Вера, Надежда и Любовь утешают тех, кто проходит через трудности. И получается, что у Марата из тридцатых есть сестра Надя, как и в шестидесятые. Возможно, Марат из тридцатых – дядя Марата, от имени которого ведётся повествование.

Харыта как воплощение Заступницы. Встреча Хариты на рынке с отцом Василием и Марией Боканёвой одна из важнейших сцен в романе. Отец Василий калмык и Харита даже спрашивает: «Да нашей ли ты веры?». Узнав, что он священник, Харита начинает давать отцу Василию наставления:

– ПИ не пей болше, батюшка, – строго, как мать, выговаривала тетка Харыта ему. – Ты здесь службу несёшь, тебя здесь сам Господь поставил, – и зашептала в его ухо что-то.

Засорелся огонь в узких глазах отца Василия. Дослушал, из тележки встал:

– Спасибо, матушка...

– Так-то, батюшка, – ответила.

Позже отец Василий начинает бить в колокол, у которого вырван язык и пойдёт слух, что звонить ему велела сама Богородица. А мы помним, что Харыта шептала ему что-то на ухо.

В 1962 году рядом с посевшей, но такой же бойкой Тракториной не будет Харыты. Хотя как на это посмотреть. На смену ей пришла Мария Боканёва. Она взяла на себя функции Харыты и даже разговаривает, как она. Не боится нисколько Тракторину Петровну и защищает от неё детей.

– Ну-ка отойди, Тракторина, – сказала баба Маня. – Пропусти мальчика в автобус! ПИ её, душу живу. Это тебе не детдом! Да и время другое!

ПИ баба Маня пошла на Тракторину Петровну грудью.

Тракторина Петровна нехотя отодвинулась и, что-то записав в свой листок, пропустила нас с Надькой в автобус.

– Ты, Марья Боканёва, как была подкулачница, так и осталась! – сказала она в сердцах бабе Мане. – ПИ тюрьма тебя не исправила!

– Зато могила всех исправит! ПИ тебя тоже! – легко сказала баба Маня, залезая в автобус вслед за нами.

Далее мы видим, как в автобусе, переполненном эвакуированными детьми, повторяется диалог из тридцатых:

– Баба Маня, скажи: где я буду, когда умру?

Баба Маня не успела мне ответить.

– Нигде! – сказала, будто мстя мне, Тракторина Петровна. – Превратишься в молекулы!

В «Рогатой школе» тридцатых Харыта крестит мальчика Чарли после того, как он спрашивает, что с ним будет после смерти. Марат и Ганна становятся крестными родителями всех детей, которых Харыта крестит за компанию. Явившимся напоследок чекистам Харыта говорит:

– Бесы прилетели. Опоздали. Они теперь не ваши.

Затем она обращается к Ганне:

– Мы ещё увидимся, Ганна, с тобой. Не на земле, так на небе. Не плачь! Марат, береги Ганну...

Богородица в облике Харыты пытается утешить даже Тракторину Петровну. Она подходит к отвергнутой любовником директорше и называет её Ариной, Аринушкой. Тракторина отвергает поддержку.

– Арина! – Руку на плечо положила. – Аринушка!

Оглянулась та, лицо заплакано:

– Я!

– Случилось что?

– Следишь за мной? – Слёзы у Тракторины Петровны сразу высохли.

– Мимо проходила, помочь тебе хотела, Арина.

– Какая я тебе Арина?! – закричала. – Тракторина я.

– Ты ж человек, – сказала тетка Харыта. – ПИ имя у тебя должно быть человеческое, какое при крещенье дали, – сказала тетка Харыта.

Богородица приходит в утешение ко всем, в том числе и к злодеям – они же люди...

Образ Марата. В «романе-житии» два Марата. А возможно, это один и тот же мальчик, который является чтобы помогать Ганне-Наденьке, служит ей как рыцарь служит Прекрасной Даме. Роман начинается от первого лица, Марат смотрит, как Наденька раскачивается на качелях и будто размышляет вслух. Язык размышлений Марата напоминает язык, которым написана «Школа дураков» Саши Соколова. Он спрашивает Наденьку откуда она взялась. И Наденька отвечает ему телепатически, что её зовут Ганна. После этого действие переносится в тридцатые годы, где Ганна попадает в Рогатую школу и встречает там другого Марата, наловившего рыбки для сестёр Веры, Нади, Любы. Марат сразу начинает опекать Ганну, защищает её от мальчишек.

Как-то вечером дети разыгрывают сцену из семейной жизни. Рыжая Конопушка изображает мать семейства, сёстры – детей. Но Марат выбирает на роль жены Ганну. Она начинает опекать детей, накрывает для них стол. Марат изображает, как он пришёл с работы. Ганна начинает мыть ему ноги и пытается выпить воду.

– Не пей! – закричал на не Марат. – Не надо, это грязная вода...

– Раньше древние жены мыли ноги мужу и эту воду пили, – сказала Конопушка. – Я сама читала.

– Мы же не древние! Зови Чарли и Булкина! – Конопушка выбежала за дверь.

Чарли и Булкин изображают «чёрный ворот», разыгрывают сцену ареста Марата. По поведению детей очевидно, что все они хорошо знакомы с этой процедурой. Но Ганна накидывается на мальчишек и отбивает у них Марата.

...Марат и Ганна проникают на мельницу.

Белая, как туман, мука висела в воздухе.

– Встань и стой! Пусть мука на тебя садится! – шептал Ганне на ухо Марат. Встал сам, разведя руки в стороны.

Показывал Ганне. Ганна встала рядом, подняла руки.

Стояли, покрываясь мукой. Бородатый красноярский мельник, весь в муке и солнце, их увидел. Красноармеец к нему подошёл. Мельник подмигнул Ганне, увёл красноармейца подальше.

Выползли на свет божий – Марат и Ганна – белые, все в муке, даже ресницы. Шли осторожно, разведя руки в стороны, чтобы мука не осыпалась.

Сцена на мельнице напоминает описание городка из «Школы дураков», на который постоянно оседала белая меловая пыль.

Харыга крестит умирающего мальчика Чарли, а вместе с ним и всех пионеров Рогатой школы. Она нарекает Марата и Ганну крестными родителями для новокрещённых, закрепляя их союз.

Харыгу увозят вызванные Тракториной Петровной блюстители порядка. И Марат решает отомстить – подмешивает яд в лепешку Тракторине. Но Ганна не даёт ей съесть лепешку. Марата убивает сторож.

Сцена убийства Марата заслуживает особого внимания.

Осрамная спина сторожа ворочалась перед окном. То наклонялась, то выпрямлялась. Ганна от каждого движения спины пряталась за ветку.

Наконец спина отодвинулась, отошла.

Прямо на неё смотрел мёртвый Марат, повешенный сторожем.

Лицо Марата было заплакано.

Ганна закричала так, что задрожали листья.

Сторож подошёл к окну, невидяще вглядываясь во тьму. Потом побежал вниз, громыхая сапогами.

– Ганна! Слезай! – услышала Ганна голос Тракторины Петровны. – И не кричи так. Ребят разбудишь. Слезай, кому говорю!

Ганна обхватила дерево ещё крепче. Затаилась. Услышала тихий разговор внизу:

– Он мёртв? Ты проверял? Она видела всё? Что будем делать, Егорыч? Её убирать надо...

Сторож подошёл к дереву, изо всех сил потряс его. Дерево качалось, словно в бурю. Ганна крепко прижалась к стволу. Потряс ещё. Ушёл.

– Слезай, Ганна! Ты же хорошая девочка. Ты добрая честная девочка. Ты мне жизнь спасла. Я тебя не трону.

Чего ты испугалась? Что Марат умер? Так он сам виноват. Зачем он хотел отравить меня? Вот он и повесился от страха! От страха перед наказанием. Он сам, сам повесился! Сам! Слезай, Ганна. Слезай, детонька...

Ганна залезла ещё выше.

Дерево вдруг вздрогнуло от удара топора. Ещё раз и ещё.

Сторож яростно рубил дерево.

Ганна испуганно посмотрела вниз. Тракторина Петровна ей с земли кричала:

– Слезай, дрянь! Я тебя собственными руками задушу! И никто не спросит! От холеры умерла, скажу! Подойти бовайтесь!

Ганна прыгает, дерево падает на Тракторину и делает её инвалидом. Начинается следующее путешествие Ганны, в результате которого она возвращается в шестидесятые к новому Марату.

Заметно, что мальчики разные, их объединяет только функция защитника Ганны. Марат из тридцатых похож на романтического книжного героя. Он ведёт себя как молодой мужчина – заботится о сёстрах, говорит с Ганной о женитбе, опекает её, решает на убийство и принимает смерть по вине Ганны. И только когда Ганна видит его повешенным, на его глазах блестят слёзы.

Марат из шестидесятых – это ребёнок. Он тоже защищает Наденьку, злится на Тракторину из-за неё, но в реакциях остаётся мальчиком. Марат хочет ударить Тракторину камнем, его удерживают, а потом в автобусе он повторяет про себя «Дура! Дура!».

Беременность сестры для него скрыта деликатным покровом иносказания:

Моя сестра Надька забеременела от тополиного семени.

Тогда пух летел как снег, с юга дул горячий ветер, и была жара и белая метель, пух прилипал к мокрой от пота коже, и всё чесалось, и ей этим южным ветром надуло. Надьке ветром надуло, говорили, и живот её осенью стал раздуваться, как воздушный шар, если его надувать насосом от велосипеда.

И даже растущий живот Нади для Марата – нечто волшебное. Разглядывая его в душевой, его изображение будто предрекает скорое вознесение Нади.

... этот шар становился с каждым днём больше и больше, и я всё боялся, всё боялся, что натянутая кожа не вытерпит и лопнет, – но он всё рос, этот шар, и я стал тайком ждать, что однажды в один из дней этот воздушный шар поднимет Надьку, мою сестру, туда, вверх, откуда идёт дождь, туда, где курлы-курлы, – и она повиснет над нашим серым военным печальным городом и будет лежать в небе, как азрогат или как солнце, и улыбнется оттуда с неба своей дурацкой бессмысленной улыбкой, от которой хочется разреваться. И может, тогда наступит на земле жалость и счастье.

Он превратил беременность Нади в некое волшебное явление, скрыв от собственного сознания страшное событие.

Но совсем скоро это детское восприятие Марата будет растоплено Тракториной.

Тракторина Петровна – несчастливая женщина, которая «нашла приют» у Советской власти, заменившей ей семью. Она служит идее, как холодная машина. И как становится ясно в конце романа – Тракторина посвятила своему делу всю жизнь, посев в пионерском галстуке.

В начале романа Тракторина говорит Харьте, что они со сторожем Егорычем «как мамка и папка в большой рабоче-крестьянской семье». Но в этой семье детей бьют, наказывают голодом и даже убивают, как Марата.

Призывая детей не обижать Ганну, Тракторина говорит:

Я покажу вам, как издеваться над Ганной! Запомните: Ганна – дурочка! Она – сумасшедшая! Понятно? Она – не как вы! Она – как животное! Она – как собака. Разве можно мучить животных? Безом! Не обижать её! Ганна – больная!

В деревне она чужая. Тракторина – представитель силы, нарушившей привычный уклад жителей. Несмотря на то, что у неё есть какая-то власть и сила, Тракторина остаётся изгоем. Школа, которой она руководит, находится в бывшем монастыре, то есть в месте, куда раньше люди уходили от мира.

Её железное сердце не трогает горе сирот, она остаётся жестокой, даже постарев.

– Это её солдаты изнасиловали? – допытывалась она.

Кровь бросилась мне в лицо.

– Нет, – сказал я.

– Ну как же? Ещё письмо из отдела образования в школу приходило. Зимой в Солдатском парке Надю Сидорову, умственно отсталую девочку, трое солдат завели в водонапорную башню и изнасиловали...

– Никто её не насиловал! – заорал я.

– Ну да, ну да, – улыбнулась она ехидно, глядя выразительно на Надюкин живот. – Как же! Ветром надуло...

Деликатное положение Наденьки, которое замаскировано на протяжении всего романа, не называется открыто в потоке мыслей Марата. Тракторина с лёгкостью вскрывает «правду» на словах, не щадя переживаний мальчика. Она даже отказывается впустить Надю в эвакуационный автобус вместе с другими детьми:

– Пропустите! – сказал я.

Тракторина Петровна заклонила дверь собой.

– Нет. Она не поедет! Её нет в списке! – злобно сказала она.

– Как – не поедет? – не поверил я. – Ведь она здесь погибнет одна?

– Таких, как она, – с ненавистью сказала Тракторина Петровна, – ещё в роддомах уничтожать надо.

Она не человек! Пусть остаётся...

Положение спасает решительная Мария Боканёва, перед праведной волей которой бессильна даже она, Тракторина.

– Ты, Марья Боканёва, как была подкулачница, так и осталась! – сказала она в сердцах бабе Мане. – И тюрьма тебя не исправил!

– Зато могила всех исправит! И тебя тоже! – легко сказала баба Маня, залезая в автобус вслед за нами.

Единственный эпизод, в котором Тракторина проявляет живые эмоции – в мире тридцатых, когда Харьта застаёт её отвергнутой сторожем-любовником. Но даже плача от обиды, Тракторина не принимает сочувствия и отказывается от «человеческого» имени Арина, которым её называет Харьта.

Она легко принимает решение убить Ганну, поняв, что девочка видела убийство Марата. В ней нет и тени сомнения, даже несмотря на то, что Ганна спасла ей жизнь. И впоследствии, получив от Ганны «исцеление», Тракторина остаётся верна себе.

Отошла Ганна, взглядам приказала Тракторине Петровне: вставай!

Как завороженная Тракторина Петровна встала, пошла к Ганне.

Стояли, глядели друг на друга.

– Так это ты святая? – сказала Тракторина Петровна. – Я всегда знала, что ты плохо кончишь.

Образ Тракторины знаком многим, чьи школьные годы пришлись на советское время. Вверившие в новые идеалы педагоги были уверены, что несут добро и правду. И что, приобщив своих учеников к этой правде, они сделают их лучше, честнее, правильнее.

Змея в романе-жизни выступает важным, хоть и очень кратковременным персонажем. Она запускает цепь важных событий, необратимых и роковых. Но появляется змея только два раза. Первый раз – в начале романа, когда Марат вспоминает эпизод в поле. Надя собирала в поле красные тюльпаны и её укусила змея, которая затем уползла. Марат начал высасывать яд из раны, а потом в больнице путал её змеиным шипением.

Собранные Надей тюльпаны дети вместе с отцом относят к памятнику Ленину. Позже, увидев их засохшими, Надя начинает плакать. В этом, казалось бы, простом эпизоде просматривается символизм. Надя оплакивает засохший букет цвета крови, который лежит у ног Ленина, как символ прерванных жизней.

Второе появление змеи – в тридцатые годы. Марат ловит змею, выщипывает её яд и поменявшись с другим мальчиком в дежурстве на кухне, подмешивает его в лепешку для Тракторины. Но в результате гибнет сам Марат.

Этот эпизод очень напоминает характерную для советского времени ситуацию: попытки выступления против действующей власти были обречены. И часто из-за святой простоты таких же угнетенных граждан.

Заключение. Роман-житие «Дурочка» написан в 1993-1998 годах. Это время возрождения религии, массового обращения советских граждан к вере после длительного официального запрета. Также это было время переосмысления советского периода истории, время, когда озвучивались события, о которых ранее полагалось молчать.

Роман является важным памятником русской литературы по ряду причин. И самая важная из них – осмысление пережитого исторического опыта. Автор обращается к драматическим событиям истории, раскрывает их с позиции простого человека, ход судьбы которого безвозвратно изменён переменами, перед которыми он бессилен. Эпизоды из жизни крестьян Капустина Яра будто написаны по подлинным воспоминаниям, в них много деталей и невыдуманных эмоций.

Форма изложения истории Наденьки-Ганны современна, при этом открыто обращена к историческим жанрам: к средневековым народным историям странников, к житиям святых, к текстам Достоевского, посвящённым этической проблеме морального выбора героя. Главная героиня не терзается вопросом, имеет ли она право совершать тот или иной поступок, но её действия вызывают вопросы у читателя.

При этом, как в классической литературе, в романе присутствуют идеально добрый и идеально злой персонажи – Харыга и Тракторина.

Особую ценность роману придаёт личный жизненный опыт автора, столкновение с важными историческими событиями.

Главной темой романа выступает переживание Апокалипсиса, конечности бытия, хрупкости человеческой жизни и всего мира в целом. Особый драматизм истории придаёт её преломление сквозь восприятие ребёнка, для которого кошмар событий опутывается туманом сказочности.

Финал романа-жития «Дурочка» можно назвать открытым. После того, как Надя рождает в небе солнце, остаётся непонятным, что же именно принесла она в мир – новую надежду или радиоактивную погибель...